

Х.-Г.МАЙЕР

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГДР И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЭЛИТЫ

МАЙЕР Ханс-Гюнтер — профессор социологии, сотрудник Берлинского научного центра социальных исследований.

Не все социальные структуры в ГДР возникли в результате осуществления определенной общественной стратегии, в соответствии с политикой СЕПГ по отношению к интеллигенции. Когда партия постепенно, при постоянной опеке и содействии со стороны оккупационных властей стала всесильной властью, она столкнулась со структурно оформленным обществом, какое сложилось в Западной и Центральной Европе в период между двумя мировыми войнами. Новая власть в Германии приняла эту структуру и постаралась справиться с ней. Если говорить о научной и культурной элите, то в 1946 году ее численность была невелика: около 250 тысяч лиц умственного труда (в широком смысле этого слова), то есть примерно 1,4% населения советской оккупационной зоны, или 2,3% всех трудящихся [1]. В выступлении В.Ульбрихта в 1947 году речь шла о 16 тысячах оставшихся дипломированных инженеров, занятых в промышленности, — очень многие высококвалифицированные специалисты покинули советскую зону, уехав на Запад — этот исход начался уже зимой 1944-1945 годов. Кроме того, многие представители старой элиты были связаны с режимом нацистов. Те, кто был не замечен в таких связях, проходили процедуру денацификации и сразу же получали ответственные профессиональные задания. Весь научный персонал вузов зимой 1947 года составлял 1507 человек (для сравнения: тот же персонал ГДР в конце 70-х годов составлял 38900 человек) [1]. Ко всем потерям интеллектуального потенциала надо прибавить и то, что на восстановление СССР было направлено 3000-3500 высококлассных специалистов, которые лишь в 1950 году смогли вернуться домой [2].

Формирование элиты ГДР и ее научного потенциала прошло несколько важных этапов.

Первый этап, 1946-1950 годы: создание антифашистско-демократического строя (в терминологии СЕПГ). Политический режим стоял перед проблемой: без науки и техники экономика и само общество не смогли бы долго существовать. Поэтому с самого начала развитие системы образования и повышения квалификации стало основной задачей, и успех измерялся — на фоне постоянного западного влияния — сохранением высокого уровня образования. Существовали еще и внутренние причины, которые для значительной части интеллигенции из "буржуазных слоев" и для молодого поколения ученых и инженеров выражались в сильно преувеличенной идентификации с тем, что называлось "построение ГДР".

Ситуация, сложившаяся после дьявольской войны, сотрудничество с советской властью, одержавшей победу над немецким фашизмом и обещавшей мир и восстановление немецкого единства, огромный авторитет немецких коммунистов, чьи оценки нацистов и предсказания ужасной войны так впечатляюще подтвердились, — все это вместе взятое вызывало нечто вроде

подъема, который в течение многих лет околдовывал сотни тысяч людей. Таким образом, элита ГДР получила стартовый импульс от системы не только в силу ее диктаторского или финансового давления, но и потому, что существовала сильная основа единомыслия — антифашизм и социалистический подъем.

Важно понять те процессы, знание которых считается сегодня тривиальным, во всей их сложности и комплексности. Создание системы политической диктатуры (по примеру сталинской) и связанные с этим репрессии и незаконные действия были одной стороной. Начиная же с проведения земельной реформы, создания так называемых народных предприятий, формирования новых органов управления, проведения школьной реформы и появления массы новых учителей, для миллионов людей произошел социальный переворот, после которого значение политического механизма и исторические неудачи отошли на задний план. Но и требования граждан об утверждении демократии вместо диктатуры, которую они пережили до 1945 года, не остались без ответа со стороны власти предрешающих. Была введена формула "реальной демократии" в качестве альтернативы "формальной демократии" в позднем капитализме. Это с одобрением было воспринято сотнями тысяч людей, поскольку они могли заниматься действительно новой, привлекательной деятельностью, видели перед собой интересную профессиональную карьеру или новую обеспеченную жизнь, на рабочих местах были введены многочисленные (элементарные), до сих пор непривычные формы участия в совместном решении вопросов, новые массовые организации позволяли заниматься политической и общественной работой. Даже формула демократического централизма не вызвала поначалу никакого неприятия. Она была связана с представлением о том, что лучший строй не может быть построен без осторожного, решительного и ответственного руководства. То есть все было не так, как сегодня порой представляется — что якобы без всякой общественной поддержки была создана диктатура, и все боязливо молчали по поводу происходящих процессов и обстоятельств.

Второй этап, 1951-1961 годы: установка на политику создания "основ социализма". Летом 1950 года руководство СЕПГ смогло принять программу экономического строительства, которая также была положительно воспринята многими восточными немцами (пятилетний план 1951-1955 годов). И действительно — затем последовали значительный экономический рост, быстрое развитие научных и культурных институтов. В 1951 году началось создание новых высших учебных заведений. К уже существовавшему 21 вузу (среди них — университеты в Берлине, Лейпциге, Галле, Йене, Ростоке, Грейсфальде, Техническая академия в Дрездене и Горная академия во Фрайбурге) прибавилось еще 25. Параллельно была создана обширная система средних специальных учебных заведений, которая давала возможность довольно быстро получить большое число специалистов среднего руководящего звена, в чем существовала большая потребность.

Но картина, естественно, будет неполной, если происшедшие перемены рассматривать лишь как успешный курс властей ГДР и при этом замалчивать три крупных (и целый ряд мелких) кризисов. 17 июня 1953 года восстали восточные немцы, произошли "события" в Польше и Венгрии. Глубоко потрясла многих представителей элиты ГДР критика Сталина на XX съезде КПСС, но все же критика сталинизма воспринималась как освободительный удар, как победа правды; подтвердились многие предположения и приблизительное

знание о недостатках и правонарушениях в Советском Союзе.

Несмотря на то, что в этот период в ГДР приняло значительный размах экономическое строительство и действительно было создано общество с особыми признаками, с которым отождествляли себя миллионы людей, — общая социальная и политическая ситуация была непрочной, шаткой. Главная причина — экономическое отставание от Запада, а также грубый политический стиль, характерный для будней диктатуры. После примирительной фазы строй вновь выиграл в 1957 году — в своих попытках покончить с десталинизацией и даже отступить назад. Затем, в конце 50-х годов, снова наступили экономические трудности, усилилось массовое бегство на Запад. После строительства берлинской стены и введения жесткого пограничного режима попытка в короткий срок обойти западные страны окончилась неудачей.

Третий этап, 1961-1970 годы: конец политики Ульбрихта. Итак, руководство ГДР имело дело с уже созданным научным, духовно-культурным потенциалом, призванным работать на господствующий строй. В новом десятилетии ставилась задача — "завершить создание основ социализма" и целеустремленно пропагандировать новое общество. Обсуждались обширные экономические реформы, которые, однако, останавливались на полпути под давлением Москвы (характерно самоубийство ведущего экономиста и видного политического деятеля СЕПГ Эриха Апеля в 1965 году).

Ульбрихт много поставил на карту научного прогресса, однако переоценивал действительный уровень развития советской науки (он считал в середине 60-х годов, что СССР уже перегнал США). При этом мыслилось гигантское усиление научно-технического персонала ГДР, было дано задание разработать соответствующий план. До 1990 года ожидался десятикратный прирост — примерно 250 тысяч занятых только в области исследований и развития! Ульбрихт был убежден, что в 90-е годы занятые в этой сфере будут составлять 6-7% всех трудящихся страны. Еще 6% будут заняты конструированием и введением новых технологий. Треть трудящихся должна была иметь высшее или среднее специальное образование.

На это были направлены и широкие планы, принятые в конце 60-х годов. Одновременно были начаты новые научные разработки, о которых ранее нельзя было и мечтать: наука управления, кибернетика, системное мышление, социология, научные теории, экономическая математика и т.п. Рост образования характеризуется следующими данными (табл. 1).

Таблицу можно не комментировать, а лишь снабдить замечанием о том, что в системе высшего образования в период с 1955 по 1960 годы быстро увеличилось число выпускников, что означало одновременный рост числа принятых на обучение в 1955-1956 году.

В средних специальных учебных заведениях этот рост произошел пять лет спустя. Следующий такой период был в 1969-1970 году, так что пик увеличения числа учащихся в системе высшего образования пришелся на 1975 год. Забегая вперед, отметим, что потенциал трудоустройства специалистов с высшим образованием в экономике ГДР был явно превышен, что вскоре и стало ясно, поскольку ожидаемое форсированное развитие науки и техники так и не состоялось (табл. 2).

Увеличение научного потенциала и курс на развитие современных направлений в науке должны были сопровождаться жесткой политикой в идеологической и культурной сферах.

Дальнейшее построение социализма объявлялось масштабной идеологической задачей, целью которой в конечном счете являлось формирование "марксистско-ленинского сознания" у всех слоев населения. За интеллигенцией следили даже по мелочам, дабы она не позволяла себе никаких критических или слишком далеко идущих заключений о социально-политических отношениях в ГДР.

Как показал сценарий проходившего в декабре 1965 года Пленума ЦК СЕПГ о якобы имевших место ошибках в области культурного развития (прежде всего в кинематографии и литературе), Хоннекер был уполномочен начать беспрецедентную регламентацию и преследование художников, писателей и работников культуры. Триумф партийной бюрократии над вновь достигнутым морально-политическим единством интеллигенции не позволил увидеть необратимые трещины, появившиеся в отношениях с деятелями культуры, что привело позднее, в 70-е годы, вначале к духовному, а затем и физическому бегству интеллигенции из ГДР.

Таблица 1

Динамика выпуска из высших и средних специальных учебных заведений

Год	Выпускники средних специальных инженерных школ	Выпускники вузов	
		а) инженеры	б) специалисты по естественным наукам
1949	около 5000	Всего: 2000	
1950 / 51	около 6500	277 (данные 1953 года)	480
1955	около 12500	545	900
1960	14400	2600	1120
1965	17500	3118	1662
1968	17200	4181	1431
1970	18700	5022	1264
1975	20450	12055	3190
1980	12780	6568	1569
1989	12056	7220	1200

Таблица 2

Рост научного потенциала в 1965-1971 годы

Год	Общее число работающих	Ученые, инженеры-исследователи:	Инвестиции в млн. марок
1950	нет сведений	нет сведений	110
1960 / 61	60000	нет сведений	1380
1965	83000	16000	1800
1968	102000	23400	2650
1971	134000	35000	4650
Прогноз администрации Ульбрихта до 1990 года (средние величины)			
1980	335000	103000	19400
1985	460000	163800	35100
1990	610000	240000	61000

Наука же в то время процветала, так как руководство решило создать систему крупных научно-исследовательских центров.

Появлялись новые хорошо оплачиваемые должности (включая ставки заведующих отделами и директоров). Ежегодно штат сотрудников с полной занятостью увеличивался на 2000-3000 человек. Можно было начинать значительные исследовательские проекты. В университетской и других исследовательских сферах возникли дополнительные структуры, щедро раздавались средства на увеличение штатов и на оборудование (в том числе на создание вычислительных центров с самым современным оснащением). Престиж ученых и инженеров, работавших на крупных государственных предприятиях, и прежде всего на вновь образованных объединениях народных предприятий (разновидность социалистических концернов, прообраз возникших позднее комбинатов), поднялся на невиданный уровень.

Летом 1968 года, после вторжения советских танков в Чехословакию, в ГДР разразилась обычная политико-идеологическая истерия, усилилась борьба за "надежность" и идеологическую чистоту. Многие (в том числе, естественно, немало представителей интеллигенции), получили дисциплинарные взыскания из-за своих симпатий к пражским реформаторам или же, по меньшей мере, были проработаны "за непонимание". Типичный пример: известному социологу, профессору Хайнцу Каллабису было пожизненно запрещено читать лекции и публиковать научные работы.

К политическому кризису добавились другие ошибки и неправильные решения: как это уже было в 1952 году, руководство ГДР переоценило в конце 1960-х годов экономическую мощь страны. Неблагоприятные результаты тщеславного прожектерства подменялись "верой в творческую силу социалистических тружеников". Развитие науки управления, кибернетики, социологии и т.д. не дали того эффекта, которого все ждали. Вера партийного аппарата в способность Ульбрихта руководить быстро таяла. Экономические неудачи, усиленные неожиданно суровой зимой 1969-1970 года (тогда произошел энергетический кризис) привели к чрезвычайно критической ситуации. В кульминационный момент оппозиция, существовавшая в ЦК, при поддержке некоторых руководителей окружных комитетов партии свергла Ульбрихта. Началась эра Хоннекера.

Четвертый этап, 1971-1981 годы: отказ Хоннекера от структурных преобразований Ульбрихта. Целесообразно разделить эру Хоннекера на два периода — 1970-е и 1980-е годы. Первый характеризовался новым экономическим подъемом, значительными внешнеполитическими успехами, которые принесли ГДР широкое признание в качестве суверенного государства, способствовали ее вступлению в ООН и сделали возможным ее участие в сотрудничестве Востока и Запада, установлении политического взаимопонимания и партнерства, обеспечении безопасности. Внутри страны был взят курс на "единство экономической и социальной политики" и более либеральное отношение к интеллигенции.

Экономическая политика была направлена на технический прогресс и более интенсивное использование всех ресурсов ("интенсификация как тип воспроизводства"). Научные исследования все чаще назывались главным фактором в процессе интенсификации и экономического роста. Примерно до начала 1980-х годов делался такой сильный упор на повышение экономико-политической роли ученых и инженеров, что в конце концов забыли даже о главной цели общественного развития — достижении большего социального равенства.

Но руководство Хоннекера не смогло реализовать свой курс. Не говоря уже о внутренних проблемах, в конце 1970-х — начале 1980-х годов ГДР столкнулась со всемирным экономическим кризисом (вызванным нефтяным кризисом). Как всегда, реакция руководства на появившиеся кризисные симптомы была лихорадочной и репрессивной. Но отмечался и ответный рост акций протеста. В конце первого десятилетия эры Хоннекера начался исход деятелей культуры из ГДР, за которыми должны были последовать и представители других слоев населения.

Пятый этап, 1981-1989 годы: растущая значимость и растущая несостоятельность. Сейчас предпринимаются попытки изобразить этот последний этап в истории интеллигенции ГДР односторонне — как противодействие стагнации и потере ресурсов при помощи научных достижений и технических новшеств. Хотя кормчий приобретал при этом дополнительную силу и умение, течение было сильнее. Ожидаемых результатов от интенсификации экономики все не было, рос дефицит в сфере воспроизводства и в сфере инноваций.

Произошел поворот вспять. На основании анализа состояния экономики делался вывод (в основном западногерманскими специалистами) о несостоятельности науки ГДР и неспособности ее персонала проводить исследования высокого уровня. На самом деле предприятия не могли использовать результаты, которые им передавали научные центры. Вынужденные выполнять все большее число заданий, особенно в секторе экспорта, они спасались усовершенствованием продукции, которую можно было выпускать на основе существующих технологий. Действительно оригинальные, радикальные инновации все больше превращались в небольшие островки в обширном океане "усовершенствований". Инновационная система образования, науки и исследований, опирающаяся на функциональную элиту ГДР, могла бы после 1985 года войти в свой "золотой век", поскольку режим ее щедро поддерживал (табл. 3).

Таблица 3

Расходы на науку и технику

Годы	Млрд. марок
1971	4977
1975	5585
1980 / 81	8501
1985	9498
1987	11476
1989 / 90	11900

Те, кто был занят в сфере науки и образования ГДР, действовали как бы на пересечении двух периферий: в системе СЭВ они постоянно обладали значительным преимуществом, все предлагаемые ими новшества могли быть использованы с большим эффектом. Но одновременно они жили на окраине западного мира, более развитого в области экономики и науки. Они могли бы великолепно воспринимать западные достижения и одновременно выступать в качестве посредника и транслятора их на Восток. Отдельные успешные опыты в использовании этого уникального положения принесли свои плоды, что улучшило умение кормчего справляться с течением (и улучшило его пригодность после крушения ГДР). Но это не принесло поворота в двусторонних отношениях.

Расчеты на основании данных Государственного центрального статистического управления ГДР свидетельствуют о том, что в конце 1980-х ежегодно выполнялось около 11250 исследовательских тем для промышленного применения, и этим занимались параллельно 45300 исследователей и инженеров. То есть одна тема приходилась на четырех человек, кроме того, в работе участвовали ассистенты. Подобная интенсивность была присуща и фундаментальным исследованиям, которыми занимались около 6000 научных сотрудников. Таким образом, научный потенциал вполне соответствовал уровню ведущих стран мира. Правда, имелся один недостаток: большая часть проектов носила прикладной характер, а доля проектов, не использованных предприятиями, постоянно росла.

Что же касается социального положения интеллигенции, то в последние годы в науке ГДР стал заметен определенный отказ от принципа коллективизма и принципа равенства. К этому времени наконец-то научились понимать, что не сказочный "социалистический общественный труд" и не "творчество рабочего класса" приводят к высшим достижениям, — а талант и индивидуальное творчество при эффективной кооперации (или работе в "команде") и достаточных ресурсах. В 1986 году Хоннекер заявил об этом смещении акцентов, провозгласив формулу "супердостижения требуют суперспециалистов". Одновременно появились и два изменения в курсе: поощрение высокоодаренных людей (во всех возрастных категориях) и открытость по отношению к Западу. В 1987 году оба немецких правительства подписали соглашение по научно-техническому сотрудничеству, установились многочисленные контакты между учеными, которые ранее знали друг друга лишь по публикациям. Однако открытость по отношению к западным странам возникла слишком поздно и до 1989 года могла дать лишь незначительный эффект.

Шестой этап, 1990-1994 годы: элита ГДР и немецко-вемецкий процесс объединения. Не массовые забастовки, не уличные шествия рабочих промышленных предприятий, потрясавшие ГДР в 1953 году, а активные представители ее элиты предопределили в 1989-1990 годах свержение анахронистского режима. Это в основном они (и в первую очередь те, кто покинул свои интеллигентско-культурные "ниши") создали новые политические образования, организовали массовые демонстрации, сформировали новые исполнительные или контрольные органы, "круглые столы", советы, комиссии, коллегии директоров, организовали союзы по интересам и т.д. Десятки тысяч заявок на юридическую регистрацию новых организаций были поданы в 1990 году в Министерство внутренних дел, а позднее — в компетентные участковые суды. Кроме того, эти новые действующие лица (и среди них тысячи функционеров СЕПГ и их партнеров по блоку) ввели и новые правила: отменили запреты, ликвидировали антидемократические ограничения, введенные руководством ГДР, провозгласили свободу мнений и критики. Средства массовой информации быстро освоили иной стиль и новые темы, отбросили многолетние табу. В течение нескольких недель после свержения Хоннекера по всей стране возникла новая демократическая культура, которой вскоре аплодировал весь мир, законное демократическое гражданское движение, охватившее все социальные слои общества (наиболее повторяемая фраза в 1990 году: "Год большой свободы"). Ведущую, мобилизующую и организаторскую роль в этом движении играли высококвалифицированные специалисты.

Автор понимает, что такая ретроспектива может быть спорной. Поэтому необходимо подчеркнуть: (1) интеллигенция

участвовала в процессе обновления не корпоративно, а "лично"; (2) важно оценить ее курс, потенциальные возможности, которые она не успела использовать, прежде чем администрация и бюрократы в соответствии с договором об объединении отобрали у нее власть. Многократные предостережения о том, что при этом исчезнет почва для создания внутренних сил для демократического преобразования восточногерманского общества, были оставлены без внимания.

Массовое обновление произошло в 1989-1990 годах, в том числе в сфере науки и культуры. Во всех образовательных учреждениях, вплоть до университетов, были подготовлены новые учебные программы, концепции обучения, определены новые направления исследований в научных учреждениях, исследовательских секторах в промышленности, в вузах и внеуниверситетской исследовательской сфере, созданы предпосылки для фактического подключения к ведущим международным проектам. Эти процессы вызвали большой интерес в ФРГ. Интеллектуальных посланцев свергнутой ГДР уже не отвергали, а искали ресурсы, чтобы поддержать их начинания. Основным было, конечно же, стремление объединиться, вступить в партнерские отношения на совершенно обновленной почве.

Но такого объединения, к которому стремились обе стороны, все же не произошло. Профессиональная компетентность и полезность восточногерманской интеллигенции в будущем были отвергнуты в беспримерной кампании, развязанной средствами массовой информации; рисовались ужасные картины опустошения науки и культуры.

Какие же последствия все это имело для элиты бывшей ГДР? Около двух миллионов специалистов с высшим образованием уже не раз вынуждены были оставлять свою профессиональную деятельность или круто ее менять. У очень многих ухудшились условия жизни. Это сопровождалось фатальным ухудшением ситуации в культуре и искусстве: большое число культурных учреждений уже закрылись или скоро закроются; культурный и художественный потенциал восточных немцев снижается, условия существования художников и деятелей культуры постоянно ухудшаются. Процесс замены элиты в восточногерманском обществе, который был целенаправленно начат в 1991 году, не обнаружил ожидаемого формирующего эффекта. Скорее, он стал существенным компонентом общего процесса, обозначаемого как немецкий кризис объединения. Элита ГДР, с точки зрения тех позиций, которые она занимала, проиграла в ходе объединения. Особенно это касается женщин, составлявших значительную ее часть.

Таблица 4

Структура занятости в Восточной Германии в 1994 году, %, общее количество работающего населения 9,9 млн. чел.

Группы населения	Работа ют	Трудоустраив аются ¹	Безработные	Предпенсион- ного возраста
Всего	67	6	17	7
Мужчины	72	5	11	9
Женщины	63	7	22	6
Без образования	35	10	35	11

¹ Подбор работы, включение в процесс трудоустройства, финансируемый биржами труда за счет пособий по безработице.

Высококвалифицированные рабочие	64	6	19	8
Со средним специальным образованием	80	7	8	4
С высшим образованием	80	5	8	6

В основном интеллигенция переживает то же, что и все восточногерманские трудящиеся: две трети потеряли свои рабочие места и лишь половина из них смогла найти подходящую работу. Таблица 4 показывает, что специалисты с более высоким уровнем образования все же имеют лучшие шансы на рынке труда, поскольку готовы выполнять работу ниже своего уровня квалификации, они "транспортируют" прессинг безработицы вниз. Иными словами, происходит последовательное вытеснение работников низкой квалификации, и все чаще люди, которые искали "просто работу", становятся получателями социального пособия. Из таблицы также видно, что 20% специалистов со средним и высшим образованием вынуждены были уйти из профессиональной жизни.

К сожалению, невозможно показать (в данном случае необходимы более детальные исследования, которые, кстати, уже начаты), сколько же из 80% граждан, имеющих высшее образование, выполняют работу ниже своего уровня квалификации, сколько, напротив, выполняет работу в более высокой должности, а также сколько смогли продолжать трудиться в сфере науки, педагогики, культуры, медицины, промышленности и экономики, системе социального обеспечения или в органах управления.

В высшей школе и научно-исследовательском секторе потери персонала, как и его "сохранность", изучены лучше. Так, Вернер Меске опубликовал данные, собранные К.-Г. Шульцем, которые наглядно демонстрируют состояние персонала бывшего Института электронной физики Академии наук ГДР на апрель 1992 года [3]. Здесь было занято в 1990 году 718 человек, из них 298 ученых. Продолжали трудиться 354 человека (49,3% от прежнего уровня), ученых осталось 56,7%. "Добровольно" ушли 238 человек, из них 70 ученых. Неопределенной была судьба 126 человек, в том числе 51 ученого.

Эти данные требуют некоторых комментариев. Доля продолжающих работать ученых (56,7%) — благоприятный исход для развития академического института. Это положение тем более благоприятно по сравнению с исходом сотрудников университетов и других научных учреждений. Причина в том, что персонал этого занимавшегося фундаментальными исследованиями (и в первую очередь исследованиями полупроводников) физического института, известного и в международном масштабе, мог бы успешно работать в научных коллективах многих стран мира. Поэтому неудивительно, что свыше 40% сотрудников нашли работу в научных учреждениях, которые были вновь открыты западногерманской стороной или перепрофилированы; 17% не так быстро смогли вписаться в новую реальность; судьба проходящих переобучение или будущее новых предпринимателей весьма неясны.

Пример одного из академических институтов отнюдь не показателен для ситуации в области внеуниверситетских исследований на Востоке: из 17342 ученых и научных сотрудников, занятых в 110 учреждениях (1989 год) остались 4993 ученых в 138

учреждениях (1993 год)[3]. Это менее трети. Поскольку среднее число сотрудников в каждом из подразделений сократилось со 157 человек до 36, то подобное сокращение мощности можно связать и с уменьшением значимости данных научных подразделений. Это огромное количество мелких коллективов, на которые разбился в настоящее время научный потенциал, конечно, может (насколько позволяет нестабильное финансирование) проводить прекрасные исследования, даже фундаментального характера, но с точки зрения критической массы, необходимой для осуществления современных проектов, они вряд ли смогут выйти за рамки выполнения периферийных, незначительных задач. Их международная кооперация — после многообещающего прорыва в 1990 году — вновь затруднена.

В сфере научных исследований в промышленности результаты еще более разительны. Большая часть исследовательских отделов бывших народных предприятий исчезла без следа. Оставшиеся же изменили свой профиль: они существуют в качестве самостоятельных единиц, оказывая различные услуги, — от маркетинга до организации производства (включая деятельность по инновационным проектам); исследованиями же и проблемами развития занимаются крайне редко — в качестве субподрядчика и весьма выборочно.

Если в Западных землях 51% всех мощностей в сфере исследований и разработок приходится на промышленные предприятия, где занято 10 тыс. и более человек (и наоборот: чем меньше предприятие, тем меньше здесь собственных отделов по исследованию и развитию), то на Востоке все наоборот. И не только потому, что здесь почти не встретишь предприятие, где работало бы более тысячи человек, но и потому, что там, где занято 500 человек и более, не обнаружено таких отделов, однако 80% подобных исследовательских коллективов приходится на предприятия с численностью менее 500 человек [3]. Причина проста: более или менее крупные предприятия являются филиалами солидных западногерманских фирм, где и осуществляются исследовательские работы; мелкие же предприятия и выделившиеся в самостоятельные фирмы вынуждены создавать небольшие исследовательско-проектные группы для осуществления жизненно необходимых инноваций (пусть даже в очень скромных масштабах).

Согласно критериям, разработанным Организацией экономического сотрудничества и развития, в ГДР в 1989 году насчитывалось 86200 сотрудников, работавших полный рабочий день. Этот персонал не только сократился к концу 1994 года до 15000, но и был раздроблен на тысячи фирм и отрезан от промышленных предприятий. Затем спад продолжался, поскольку, с одной стороны, шла дальнейшая приватизация, а с ней и дальнейшее сокращение сферы исследований и разработок; с другой стороны, многие из вновь образовавшихся фирм и предприятий перестали существовать; и наконец, поскольку проекты временного трудоустройства и другие проекты по частичной занятости и переобучению завершились (вернее, закончились или уменьшились выделенные на них средства, на которые восточногерманские предприятия смогли продержаться, начиная с 1991-1992 годов). Вполне вероятно, что от персонала 1989 года останется столь малый процент, что с точки зрения современных масштабов прикладных исследований и развития их работа будет абсолютно неэффективной.

При этом совершенно разрушено продуктивное партнерское сотрудничество между теми, кто занимался промышленными

разработками, и теми, кто вел исследования в системе высших школ, университетской и внеуниверситетской фундаментальной науке. Сектор академических исследований, также раздробленный, может делать свои предложения сам (если вообще они интересуют промышленность, от которой практически не поступает заказов), обходя мелкие структуры и подразделения, еще существующие на предприятиях, при этом он выступает не в качестве партнера, заботящегося о научном совершенстве, а в качестве конкурента. Это фатальный сценарий стагнации производства, обладавшего высоким интеллектуальным потенциалом.

Наконец, в завершение — о судьбе персонала высших учебных заведений ГДР. До сих пор не существует полных данных, какая часть из 38900 научных сотрудников, занятых в 1990 году в вузах ГДР, сохранили после объединения свои рабочие места. К концу 1994 года в восточногерманских высших учебных заведениях трудились 5550 профессоров (около 75% из числа вообще занимавших эти должности в землях). Из них примерно две трети продолжали "восточногерманскую карьеру". "Западная доля", согласно опросу Немецкого союза высших школ (1993 год), составляла в землях Мекленбург-Форпоммерн — 8%, Бранденбург — 14%, Саксония-Анхальт — 7,8%, Саксония — 42% (!), Тюрингия — 35%. Далеко не все были ранее профессорами, кто-то (пока в неизвестном количестве) был набран из специалистов среднего звена. Сопоставляя все это, вполне реалистично предположить, что примерно половина бывших профессоров и доцентов вузов ГДР выбыли из трудового процесса. А число покинувших внеуниверситетский научный сектор, видимо, еще больше.

Если замещение профессорских должностей осуществлялось в первую очередь и в быстром темпе, то специалисты со средним специальным образованием (ассистенты, научные сотрудники, преподаватели и т.д.) подверглись длительной и мучительной процедуре "прореживания", сопровождавшейся обоснованиями типа: "отсутствие потребности", "заккрытие темы или направления", "структурная перестройка", "непригодность". Для того, чтобы сформировать приблизительное статистическое представление, ограничимся ссылкой на один восточногерманский университет (табл. 5).

Таблица 5

**Персонал восточногерманского университета
(без медицинского направления)**

Профессиональный состав	Годы		
	1989	1994	1994:1989
Всего сотрудников	4320	3150	72,9
Профессора	370	285	77,0
Другой научный персонал	1160	1360	81,9
Технический персонал	2300	1505	65,4

Процесс перестройки научных подразделений еще не завершен. Численность профессорского состава будет в дальнейшем расти. Будет продолжаться и сокращение сотрудников вследствие отсутствия потребностей, окончания контрактов. Но возможен и быстрый рост персонала, работающего по контракту.

Функциональная элита ГДР (по сравнению с экономической) еще до 1990 года обнаруживала черты "сверхквалификации", или точнее сказать, высокий уровень образования и профессиональной

подготовки, который использовался не полностью, независимо от недочетов структурного порядка. Доступ к высшему и среднему специальному образованию, как и к учебе в аспирантуре, был относительно легок, а это по сути (при отсутствии процветающей частной экономики), был важнейший путь к социальной карьере. Однако с осени 1990 года этот синдром слишком высокой квалификации восточногерманского населения приобрел уже драматические черты. К существовавшим, но переносимым трудностям функциональной оценки и востребованности для многих добавились "профессиональный инфаркт" и жизненно важные проблемы. Понятие смены элиты после распада ГДР не полностью отражает этот драматизм, поскольку речь идет о функциональных группах, соответствующих масштабу социально-структурных слоев. Необходимо лишь представить, что пострадали более 50% двухмиллионного слоя (естественно, с последствиями и для их семей).

Это не может, конечно же, остаться без последствий для экономической жизни в Восточной Германии, а также для ее системы образования. Однако гораздо важнее, считают социологи, проявление ментальных особенностей восточных немцев, которые в большинстве своем после катастрофы нацистской Германии, печального опыта социалистического общественного проекта СЕПГ опять видят себя в роли проигравших.

ЛИТЕРАТУРА

1. Prokop S. Aspekte der Sozialgeschichte der ostdeutschen intellektuellen Elite 1945 / 1949 / 1950 // Hochschule ost.. 1995. Heft 3. S. 44-52.
2. Ciesla B. Der Spezialistentransfer in die UdSSR und seine Auswirkungen in der SBZ und DDR // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1993. B. 49 / 50. S. 24ff.
3. Meske W. Veränderungen in den Verbindungen zwischen Wissenschaft und Produktion in Ostdeutschland // Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung. 1994. Paper 402. S.26.